

Ю. Летников,
подполковник

**КУРГАН
БЕССМЕРТИЯ**

Небольшой курган под Ростовом-на-Дону—Бербер-оба, именуемый теперь Артиллерийским курганом. Здесь ветераны войны преклоняют головы перед памятью павших товарищей, молодые солдаты присягают на верность Родине, молодожены кладут цветы и молча стоят у постамента, на котором высится фронтовая пушка, а на гранях обелиска высечены имена тех, кто геройски погиб в жестоком бою с фашистами осенью 1941 года...

17 ноября просыпалось хмурым, туманным. Ночью поля у села Большие Салы запорошило снегом. Здесь тогда разразилось сражение. Бомбы, снаряды, мины, пулеметные и авто-

матные очереди терзали степь, перемешивая землю со снегом. Он таял, этот снег, курился паром, будто горел. Да, то был горячий снег.

После огненного смерча на курган пошли танки: пятьдесят против одной батареи. В неравную, жестокую схватку с фашистскими громилами, укрывшимися за мощную броню, вступили советские артиллеристы, взращенные, воспитанные Советской властью, Коммунистической партией, Ленинским комсомолом, люди разных национальностей: командир батареи армянин Сергей Оганян, комиссар батареи русский Сергей Вавилов, дагестанец Велихан Велиханов, азербайджанец Исмаил Мамедов, грузин Вахтанг Мосаишвили, украинец Василий Ткаченко...

Как только вражеские танки приблизились к кургану, батарея ударила по ним залпом. Крутился на месте головной танк. Последовавшие один за другим выстрелы остановили и подожгли вторую, третью, четвертую машины, шедшие за ними танки повернули обратно. Вскоре на позиции наших артиллеристов стали рваться немецкие мины и снаряды. Упал сраженный осколком наводчик Велиев. Взрывная волна прижала к земле сержанта Симонова.

Потом опять показались танки со свастикой. Три из них подбил расчет Мовсеса Гуляна. Бесстрашные артиллеристы Мовсес Гулян, Дмитрий Новрузов, Фазлы Ахмедов продолжали разить захватчиков до последнего дыхания. Пришедший сюда комиссар батареи Сергей Вавилов увидел у разбитого орудия погибших воинов.

— Отомстим фашистам за павших товарищей, — подходя к расчетам, говорил Вавилов; он и сам становился к орудию, заменяя раненого воина. Этот политработник пользовался большим авторитетом среди артиллеристов. Они знали, что он прошел большую школу жизни: был в числе тех, кто в первые годы Советской власти боролся с бандитами и учил людей в школе: днем — ребятишек, вечером — взрослых в ликбезе; служил пограничником, работал строителем; как только разразилась война, добровольцем ушел в армию, стал бойцом партии, большевистским словом воодушевлял воинов, личным примером показывал, как надо бить врага.

И здесь, на кургане, Вавилов всегда появлялся там, где было нужнее всего: уставшего подбодрит словом, раненого заменит у орудия...

Очередную атаку воины отбили. Но командир и комиссар понимали, что фашистам советская батарея стала костью в горле на пути к Ростову и они вновь попытаются ее уничтожить. Вавилов сказал наводчику Арутюняну:

— Срочно позови комсорга.

Прибежал Балеста. Младший политрук предложил ему собрать всех комсомольцев и провести собрание.

К орудию Максима Симонова подошли все бойцы батареи. Лейтенант Оганян обратился к ним:

— ...Поклянемся же перед ними: назад ходу нет!

Артиллеристы обнажили головы и молча глядели на тела павших друзей. Вздрагивающим голосом заговорил Сергей Васильевич Вавилов:

— К Дону нам дороги нет, ребята. Позади — Ростов. Будем стоять насмерть. Не уйдем с кургана, не уйдем!

Над курганом пронеслось:

— Не уйдем!

Короткой оказалась передышка. Едва склонили погибших товарищам и произвели над их прахом прощальный салют, как фашисты снова обрушили на курган огневой вал. Потом пошли вражеские танки. Дымился снег вокруг кургана. Все меньшие оставалось батарейцев. Упал сержант Григорий Корсунов, не успев сделать своего последнего выстрела из орудия. Ползком по снегу направились к танкам с гранатами в руках рядовые Балеста и Ткаченко. Смертельное ранение получил сержант Максим Симонов.

К вечеру остались всего две поврежденные пушки. Из орудия с отбитым колесом стреляли Василий Пузырев и Велихан Велиханов, из другого — Оганян и Вавилов. Они и тут стояли рядом — командир и комиссар.

Над разрушенной позицией батареи трепетал на длинном шесте пробитый красный флаг. Начинался третий день боя — 19 ноября сорок первого. Никто не знал, сколько человека оставалось в живых на кургане в то утро. Но батарея сражалась..

По-прежнему дымился курган, изгрызенный снарядами, изрытый воронками. Вокруг чернели и чадили подбитые фашистские танки с большой белой буквой «К» и крестами на броне. Всего лишь на полнаса захватили танкисты Клейста безлюдный курган и артиллерийские позиции батареи лейтенанта Оганяна. Наши бойцы ворвались сюда и еще застали в живых Аслана Велиева, который и рассказал о том, как дрались огановцы. Не удалось спасти жизнь этому последнему солдату героической батареи.

Нашились и другие свидетели подвига артиллеристов. Вот записки Ивана Семеновича Бондаренко, который был в те дни наблюдателем 9-й роты 3-го батальона 1147-го стрелкового полка:

«Наша рота рано утром 18 ноября перешла мост через ре-

ку Тузлов в районе Большие Салы и, не успев развернуться, внезапно была атакована в лоб вражескими танками, которые появились из-за кургана... Рота под огнем противника организованно заняла оборону в оказавшихся готовыми окопах на кургане Бербер-оба, подковой на юго-восток. Танки противника не раз бросались в атаку на наши окопы, обстреливая нас из орудий и пулеметов. Но мы пускали в ход гранаты и бутылки с горючей смесью, и танки откатывались назад.

В один из таких трудных моментов к нашему окопу подполз и буквально свалился в него молодой лейтенант-артиллерист. Он сказал: «У меня осталось одно орудие. Стоим позади вас над речкой Тузлов. Нас осталось двое. Наблюдатель наш недавно убит там,— он показал рукой в сторону скатов кургана.— Снаряды у нас еще есть. Нужен корректировщик огня. Давайте вместе бить танки...»